

РУССКИЕ СИБИРЯКИ

А. Х. ЭЛЕРТ

В материалах участников академического отряда Второй Камчатской экспедиции (1733—1743 гг.) мы найдем немало любопытных свидетельств, касающихся образа жизни и нравов русского и аборигенного населения Сибири. С этими свидетельствами плодотворно работают историки. Для ряда научных комментариев к ним характерен один нюанс — время от времени утверждается, что иностранные участники экспедиции рассматривали Сибирь как область очень неблагоприятную в бытовом смысле. Приметы этого неблагоприятия, при этом называемые, — повальное пьянство, лень, безответственность, страсть к наживе и т. д. Мы не случайно поставили на первое место именно пьянство — разговоры о нем как о некоей русской национальной «константе» давно сильно отдают мифологией.

Попробуем беспристрастно разобраться, о чем свидетельствовали знаменитые путешественники и как они интерпретировали собственные наблюдения.

Действительно, ученые (и не только иностранцы), попавшие в академический отряд великой экспедиции Беринга, немало писали о том, как производство и потребление алкогольных напитков влияли на жизнь тогдашних сибиряков. Выводы, к которым склонялись наблюдатели, довольно близки, но вместе с тем есть в них и важные отличия.

Прежде чем разбираться в этих выводах, следует отметить, что их нельзя назвать «ума холодными

наблюдениями». Ведь делали их в той или иной степени «заинтересованные» зрители. Сами участники экспедиции вовсе не были убежденными трезвенниками. В багаже академического отряда всегда имелся изрядный запас алкогольных напитков — как водки, так и европейских вин (в особенности — рейнвейна). Впрочем, оговорка «в той или иной степени» — существенна. Путешественники были очень разными людьми — в том числе и в своем отношении к алкоголю. В немалой степени это объясняется особенностями их происхождения, культурным уровнем, статусом и индивидуальными чертами характеров.

Так, например, неофициальные руководители академического отряда Г. Ф. Миллер (его отец служил ректором гимназии) и И. Г. Гмелин (выходец из семьи потомственных врачей и аптекарей), с детства воспитывались в протестантских традициях умеренности и благочиния — поэтому не удивительна их приверженность к европейским винам. Но «приверженность» — это, пожалуй, сказано слишком сильно. Пили они, как правило, «по медицинским показаниям», то есть относились к алкоголю рационально, как и подобает протестантам. Рейнвейн эти ученые рассматривали как стимулирующее и лечебное средство. Первый сюжет, подтверждающий это, относится уже ко времени подготовки экспедиции. Миллер, рассказывая о том, что его участие в экспедиции предопределила опасная болезнь Гмелина, вместо которого он и был включен в состав академического отряда, сообщает — однажды вечером, оставшись дома один, отчаявшийся Гмелин,

XVIII ВЕКА И АЛКОГОЛЬ

И.-Г. Гмелин

Г.-Ф. Миллер

Г. В. Стеллер

1. Екатеринбург	8. Сургут	15. Иркутск	22. Охотск
2. Тюмень	9. Нарым	16. Кяхтинская слобода	23. Петропавловск
3. Тобольск	10. Томск	17. Читинский острог	
4. Тара	11. Абаканский острог	18. Нерчинск	
5. Омск	12. Красноярск	19. Аргунский острог	
6. Семипалатинск	13. Енисейск	20. Илимск	
7. Березов	14. Мангазее	21. Якутск	

По большому счету, ничего случайного в истории не бывает. Всякое событие связано массой незримых нитей с другими событиями — прошлого и будущего; они — взаимообусловлены, вступают в прямой диалог. И все-таки. Иногда кажется, что какие-то важнейшие исторические узлы завязываются как бы совершенно случайно... Кто-то что-то сказал, сделал, не туда повел войска, поднялся утром с постели в мизантропическом настроении — и вдруг из этой точки вырастает «эпоха». Таких узлов немало в российской истории. С такого узла она чуть ли не начинается. Мы имеем в виду процедуру выбора «государственной» религии. Страшно сказать, но — если верить «Повести временных лет» — мы вполне могли угодить и в иудаизм, и в магометанство. Все спасла легендарная фраза Владимира Красно Солнышко: «Руси есть веселие пить, не можем без того быть!» После нее мы стали христианами греческого «извода».

Владимир умер в положенный срок, но его «питейный манифест» звучит рефреном в нашей жизни на протяжении столетий. Звучит, порождая мифы, новые теории, их опровержения, сожаления, и конца-края этому сюжету нет. «Веселие» на поверку оказывается не таким уж и «веселием»; оно сильно отдает горем, неурядицами, упадком; оно — почти трагично. Речь и вообще идет о том, что русский народ безнадежно спивается, а будущее страны — в связи с этим — проблематично, если не «безбудушно».

Сегодняшний текст, предлагаемый вниманию читателей, показывает, что благополучно «спивался» русский народ и почти три века назад, что не помешало ему «распространиться» на огромной территории и построить одну из самых могущественных империй в истории человечества. Что-то тут не так — слишком много пафоса в этих разговорах о повальной «алкоголизации» населения, слишком много крайних суждений. Наши соотечественники давно привыкли к «сакрализации» русской водки, но последние пятнадцать лет они имеют возможность сравнивать. Сравнение это выходит парадоксальным — те же европейцы пьют несколько не меньше (если не больше) нас, но при определении их национальных типов алкогольные напитки вовсе не играют роли доминант.

Эту психологическую дилемму прекрасно иллюстрирует и опыт академического отряда Второй Камчатской экспедиции. Иностранцы ученые, входившие в его состав, вовсе не чурались вина и водки, но вместе с тем их «культурное питье» не идет ни в какое сравнение с надрывным пьянством тогдашних русских сибиряков. Хотя... Мы снова попадаем в плен стереотипов. Ведь среди иностранцев был, например, Стеллер — с его неумностью, размахом, предпочтением водки всяким другим напиткам. Он панибратствовал и с великими, и с малыми; но, если видел неправду, принимался крушить все вокруг себя, невзирая на звания и чины попавших ему под горячую руку. Он

сильно напоминает простого русского гренадера — но реализовавшего себя не в деле войны, а в деле науки. Стеллер — пример того, как «национальные» стереотипы разрушаются реальной живой жизнью. И этот пример нужно иметь в виду, знакомясь с научными материалами Второй Камчатской экспедиции, касающимися роли алкоголя в жизни сибиряков XVIII века. Дабы вновь не попасть впросак, водрузив на свой нос кривые очки «национальных» стереотипов. Эти стереотипы и без того уже натворили беды, став причиной того, что наследие крупнейших ученых И. Г. Гмелина и Г. Ф. Миллера долгое время оставалось недооцененным. И более того — попало в разряд подозрительных. Что же подозревали в нем? Говоря одним словом — русофобию. Вспомним — гмелинское «Путешествие по Сибири» упрекали в насмешливости по отношению к русскому народу, а известную миллеровскую диссертацию сочли в этом смысле «предосудительной», обвинив в «занозливости» и выискивании «пятен на русской одежде».

Что здесь правда, а что очевидное преувеличение? Рассуждения о русском пьянстве, коих предостаточно в текстах этих ученых, помогут ответить на этот вопрос. Показательный пример — Гмелин, посетив винокурный завод в окрестностях Иркутска, советует, как улучшить производство «вина», а ему на это отвечают: «Не нужны нам твои советы — как делали наши деды, так и мы будем делать». Стереотип готов — протестантская страсть к улучшению жизни разбивается о русскую косность и леность. И это — ложь. Потому что рациональные нововведения предлагал в те времена не только Гмелин, но и, скажем, Ломоносов. Разве он не был русским человеком? Люди, прежде всего, делятся не по национальному типу, а по своей способности делать дело как можно лучше. Разумеется, национальные традиции не сбросишь со счетов, но эти традиции — область довольно «топкая». Ясно одно — любой национальный тип представляет собой смешение темных и светлых сторон народной жизни, а их соотношение вряд ли доступно арифметической оценке. Тут все гораздо сложнее.

Данный текст, посвященный анализу, которому подвергли крупнейшие ученые XVIII века одну из самых больших тем русской жизни, необыкновенно поучителен. И — познавателен. Он продолжает серию публикаций о «русских» немцах Гмелине, Миллере, Стеллере и не только уточняет некоторые исторические реалии (сверхлюбопытные!), но и позволяет еще ближе познакомиться с этими удивительными людьми, очистить их образы от шелухи устоявшихся «мнений». А такое знакомство всегда делает историю более прозрачной, близкой и, как следствие, более «живой».

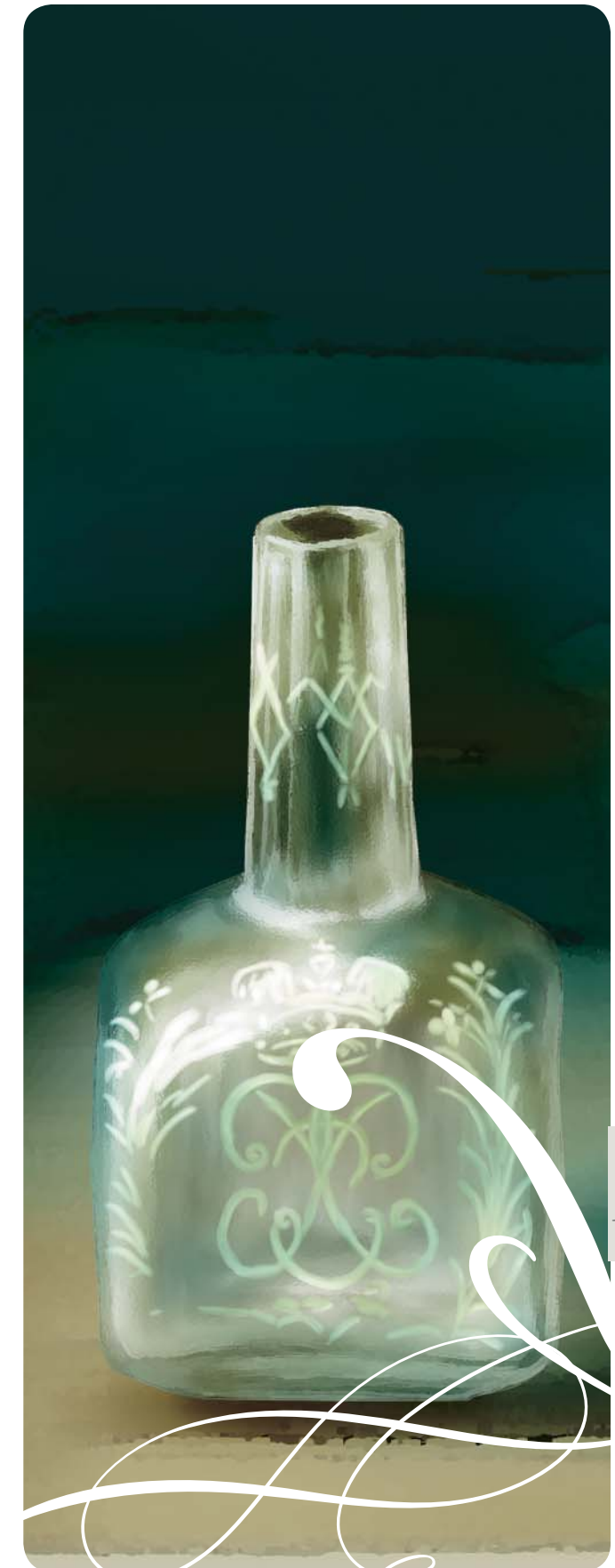
А. М. Панфилов

по его собственным словам, выпил бутылку лучшего рейнского вина... и через несколько дней был на ногах. В этом рассказе своего коллеги Миллера все устраивает — за исключением одной вещи: он сомневался, что Гмелин ограничился единственной бутылкой.

Совсем другим человеком был адъютант Г. В. Стеллер. Его демократическое происхождение (отец ученого был кантором и органистом), неумный и даже авантюрный характер, общительность, неприхотливость в быту — все это вполне согласуется с его алкогольными пристрастиями. Гмелин, давая характеристику Стеллеру, сообщает, между прочим, и следующее: «Свою жажду он удовлетворял, помимо пива, медом и водкой. Вина он не пил вовсе». Это свидетельство подтверждает сам Стеллер. В «Описании земли Камчатки» ученый признается: «Я не опьяняю себя на Камчатке рейнвейном оттого, что не могу его здесь достать, и он меня только огорчил бы...» Описывая разного рода неприятности, случившиеся с ним на пути из Якутска на Камчатку, он упоминает и утрату значительной части своего багажа при переправе через реку. Оценив потери в общей сложности приблизительно на 100 рублей, Стеллер «особенно горюет» «о 2½ ведрах двойной водки, что только одно вместе с доставкой стоит по здешним ценам 30 рублей». Спаси ему удалось «лишь одну бутылку, которую и выпил со своей свитой, чтобы распрощаться с разбитыми бутылками. Бутылку велел повесить на дерево как шаманский бубен».

В нетрезвом состоянии Стеллер не всегда был адекватен и иногда ходил по лезвию ножа. Однажды он, например, объявил «слово и дело» против иркутского вице-губернатора Л. Ланга. Любопытно, что до этого ничто не предвещало грозы — вице-губернатор и ученый почти приятельствовали. Лангу стоило немалых усилий успокоить Стеллера и не дать хода этому делу, чреватому большими неприятностями для обоих. Ради справедливости отметим, что алкогольные возлияния Стеллера, заметно усилившиеся в последний период его сибирского путешествия, не отразились на качестве его научных изысканий, неизменно получавших высокую оценку и у руководителей экспедиции, и у позднейших исследователей.

Адъютант И. Э. Фишер происходил примерно из той же среды, что и Стеллер, но характер его был совсем другим. Мелочный, подозрительный, грубый в обращении с подчиненными и невозможный в общении с равными ему по социальному статусу (будь то ученые или представители местных властей), он, похоже, топил свою мизантропию в водке. Оговоримся — информация о пьянстве Фишера поступала в основном от обиженных им казаков и солдат, то есть абсолютно достоверной считать ее нельзя. Доносы на Фишера не ограничивались обвинениями в пьянстве. Жаловались и на другое — например, на то, что в Якутском уезде

он «жил блудно» с некоей «женкой», заставляя солдат стоять на карауле возле ее жилища, и не только сам незаконно «сидел вино», но и заставлял помогать ему в этом служилых.

Относительно алкогольных пристрастий вспомогательного персонала академического отряда (художники, геодезисты, студенты и др.) имеются лишь разрозненные данные, но, вероятнее всего, и в этой среде горячительные напитки имели большое хождение. В частности, студенты Василий Третьяков и Алексей Горланов еще до начала экспедиции отличились в так называемом «новогоднем» деле. 30 декабря 1732 года они, вместе с другими учениками московской Славяно-греко-латинской академии — кандидатами на участие в экспедиции, получили жалованье в размере двух рублей каждый. И началась гульба. Вскоре в Академию наук поступило «доношение» двух учеников, один из которых, Лука Иванов, позже стал участником экспедиции, второй же, Андрей Поляков, так и не поехал в Сибирь — судя по всему, из-за проблем со здоровьем. Проблемы возникли не на пустом месте. В новогоднюю ночь Третьяков, Горланов и еще шесть учеников, «напившись пьяни, а неведомо где, и пришедши ночью, стали придираться к Андрею Полякову, чтоб убить его, понеже прежде сего имели на него злобу, для того, что с ними компании не имеет. Того ради из них Григорей Абумов, шедши из дверей, показал ему кукиш, и оный Поляков оттолкнул кукиш. Они же, взяв за волосы, потащили и топтали, и глаз вышибли, и каблуками го-

лову проломали». Попытавшийся утихомирить пьяных Л. Иванов отделался сравнительно легкими побоями.

Пьяные выходки вышеупомянутого Горланова продолжились и в экспедиции. В письме к Гмелину, отправленном в ноябре 1739 года из Иркутска, Стеллер рассказывает, что был в компании с вице-губернатором генерал-майором А. Ю. Бибиковым, когда неожиданно появился «по срочному делу» совершенно пьяный студент. Он не только отказался удалиться, как того потребовал Стеллер, но и уселся за накрытый стол (к трапезе еще никто не приступал) и как ни в чем не бывало начал выпивать и закусывать. К счастью для Горланова, высокое начальство пребывало в хорошем расположении духа и с юмором отнеслось к этому невероятному с точки зрения субординации поведению студента.

Миллер и Гмелин, как правило, стремились пресечь чрезмерные алкогольные «упражнения» подчиненных увещеваниями и наказаниями, не вынося сор из избы. Редким исключением из этого правила является обращение Миллера в Иркутскую провинциальную канцелярию с требованием задержать выдачу жалованья геодезисту Моисею Ушакову, погрязшему, по словам ученого, в лености, пьянстве и мотовстве. На это геодезист в «изумительном», по определению Гмелина, рапорте профессорам ответил весьма неординарно: «А что писано от вас, якобы я пьяница и мот, и во оном буду просить в Правительствующем Сенате, понеже пьяниц и мотов к делу Ея Императорскаго Величества не определяют...» Как видите, с «логикой» у Ушакова было все в порядке.

Впрочем, гораздо больше сведений касается пьянства среди солдат и казаков, сопровождавших академический отряд. Тут «господа академики» никого покрывать не собирались — доказательством тому служат десятки их обращений к местным и центральным властям. Речь в них идет и о вскрытии опечатанных почтовых отправлений профессоров (а информация о ходе экспедиции и ее результатах была секретной) пьяным нарочным в кабаке, и об объявлении «слова и дела» в отношении ученых и их сотрудников, и о дебошах в кабаках, и о скотоложстве и т. д. Типичное оправдание протрезвевших — «был пьян, ничего не помню». Приведем хотя бы такой пример — 29 апреля 1736 года Гмелин сообщал в Иркутскую провинциальную канцелярию о том, что «обретающейся в команде нашей капрал Илья Вяткин кричал из-под клету, где он от профессора Миллера за пьянство посажен был, на онаго профессора Миллера слово и дело». Капрал был допрошен при свидетелях: «И он, капрал Вяткин, в допросе сказал, что он на профессора Миллера ничего не знает, и слово и дело показал в пьянстве напрасно и ежели бы он, капрал Вяткин, не был пьян, то бы де он того не сказал». Капрала после этого вновь посадили под арест — со строгим запрещением давать арестованному водку и пиво.

Гуляки.
Рисунок с коробки фабрики
П. и А. Лукутиных, 1850-е гг.

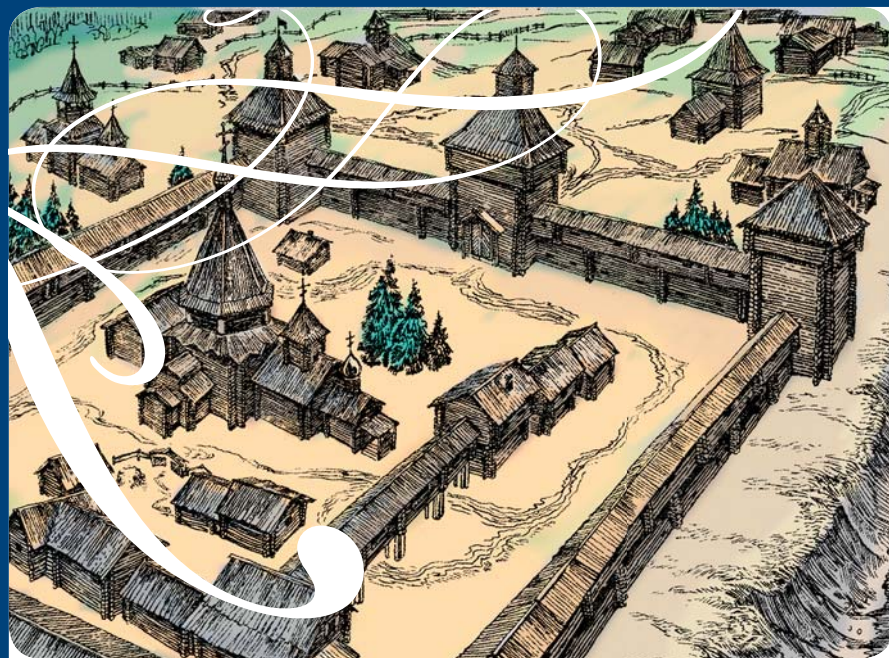
В морских отрядах экспедиции существовали схожие проблемы. Цитируем письмо капитана М. Шпанберга к капитан-командору В. Берингу: «Имеющейся при мне шлюпочного дела мастер Андрей Кузмин порученного ему дела править не может, и по ордерам моим и по словесным приказам ничего не исправляет, понеже всегда бывает пьян безмерно». Какова же была мера? Согласно нормам снабжения рядовых участников морских отрядов провиантом, ежемесячно каждому человеку выдавали по 16 чарок водки (объем чарки в то время равнялся примерно 130 мл, то есть в среднем на один день приходилось около 68 мл водки) и по 60 кружек пива (объем кружки равнялся примерно 1,625 л, то есть в среднем на один день приходилось 3,2 л). Каковы были нормы потребления алкоголя для начальствующего состава (если они существовали), трудно сказать. Впрочем, оценить последние поможет следующий известный факт: в 1733 году годовое жалованье начальника Охотского порта состояло из 300 рублей, 100 четвертей хлеба и 100 ведер, то есть 1300 литров, водки. Оговоримся — эта водка предназначалась не только для личного потребления, но и для выполнения «представительских» функций.

Вышесказанное объясняет, почему «алкогольная» сфера тогдашней российской жизни вызвала столь пристальный интерес ученых академического отряда. И их наблюдения — какими бы субъективными они иногда ни казались — поистине бесценны.

Среди русского населения Сибири наиболее распространенными алкогольными напитками были водка и пиво. Меньшей популярностью пользовался мед (он стоил в три раза дороже пива, а производился и продавался преимущественно на Урале и в Западной Сибири). Судя по собранным Миллером статистическим данным, на севере и северо-востоке Сибири к пиву тоже относились довольно скептически. В частности, из Мангазей-

Русский лубок XVIII в.

Город Мангазея. Реконструкция И. Резуна, художник А. Заплавный

ской воеводской канцелярии ученому сообщали, что в год планировалось получать 366 рублей окладных сборов с продажи пива, но реальных поступлений практически не было, «понеже... за малоимением питухов оного пива в продажу исходит малое число». Европейские вина, в основном немецкого («рейнские») и французского («фряжские») происхождения, хотя и продавались во всех крупных сибирских городах, находили спрос лишь в самом узком кругу. Покупателей этих вин «вычислить» несложно — это были дворяне, чиновники и купцы.

На самом деле «вином» (или — «вином горячим») в документах того времени называли, прежде всего, хлебную водку. Секрет ее производства открыли не позднее XV века; уже с середины этого века началось ее товарное производство в Московском княжестве. Сырьем для производства водки обычно служили ржаная или овсяная мука, ржаной солод, хмель и дрожжи. Вино подразделялось на «простое» и «двойное». По поводу крепости тогдашних напитков существуют разные мнения. Одни исследователи утверждают, что «простое» вино той эпохи сравнимо в этом смысле с современной водкой, «двойное» же — со спиртом. Другие полагают, что крепость «простого» вина «блуждала» около 20 градусов, а «двойного» — около 40-ка (до 45-ти). При этом авторы исходят из того факта, что «простое» вино было продуктом однократной перегонки, а «двойное» — двукратной.

И вот тут необыкновенно важны свидетельства участников Второй Камчатской экспедиции, не вполне подтверждающие подобные мнения. Согласно этим свидетельствам, «вино двойное» продавалось в роз-

ницу в очень незначительных объемах и скорее было «транспортной» формой алкоголя, так как требовало меньших затрат на перевозку. В пункте назначения «вино двойное» обычно разбавляли водой до крепости «простого». Так, в указе Сената об отправке В. Беринга во Вторую Камчатскую экспедицию относительно обеспечения водкой Охотска и Камчатки говорилось: «А вино хлебное на первой случай, покамест там хлеб заведут, привозить из Якуцка крепким двойным для удобства в провозе, как при первых временах из России в Сибирь важивали. А привезши, на месте отваренною водою разводити и пробу против простого приводити».

Технологию производства водки подробно описал Гмелин — для знакомства с нею Миллер и Гмелин специально посетили казенный винокурный завод (каштак) в 6 верстах от Иркутска. Он сообщает: «Там имеется 37 перегонных кубов в одном ряду, и из каждого ведут две трубы, лежащие в желобе, по которому постоянно течет свежая вода... Водка течет по трубам в кадку, поставленную к каждой паре труб. Напротив перегонных кубов, но на более высоком месте, поставлены 8 деревянных бочек, в которых бродит солод. Каждая бочка вмещает 147 пудов солода, а заправляются одновременно две из них. В каждую бочку, через засыпанный туда солод, пускают столько кипятку, пока он на несколько футов не покрывает последний. Кипяток из большого котла пускают через желоб. Как это требует время года, добавляют из этого котла столько теплой воды, чтобы поддерживать брожение. Это длится обычно три дня. Когда брожение закончилось, добавляют холодной воды, пока бочки не заполняются

Русский лубок XVIII в.

почти до края. На четвертый день начинают перегонку и две бочки опустошаются за 24 часа. Водка не лучше и не крепче, чем молочная водка языческих народов и, вероятно, по этой причине ее называют аракой, как называют язычники свою водку. Через повторную перегонку из нее делают вино, или настоящую водку. Чтобы сделать крепкую водку (*Spiritus vini rectificatus*), ее еще раз перегоняют».

Как видим, «крепкая» водка («вино двойное») получалась в результате не двойной, а тройной перегонки. Гмелин со своими глубокими познаниями в химии усмотрел массу недостатков в описанной технологии: «Если бы улучшить устройство, водку можно было бы отпустить за половину нынешней цены, если только соблюдать определенную температуру брожения и не допускать, чтобы при перегонке так много улетучивалось. Я пошел в чулан, где хранится водка и где за пять минут можно потерять сознание из-за спиртных испарений. Кадки, куда стекает водка, имеют в диаметре по меньшей мере один фут и стоят открыто, и трубка кончается на высоте в полфута над кадкой. В камере, куда стекает арака, все так же, хотя запах не так уж силен, можно все же видеть, как много улетучивается. А так как в гуще солода, в самом низу бочки, содержится больше всего спирту, было бы разумно этот осадок перегонять отдельно. Таким путем можно было бы сразу получить водку». Рекомендации ученого оказались невостребованными — в своих записках он сетует на это: «Но когда даешь такие советы, отвечают: “Как делали наши деды, так и мы продолжаем”».

Процесс пивоварения — если не принимать во внимание примитивность оборудования — немногим

отличался от современного. Пиво на большие расстояния не перевозили, поскольку гораздо дешевле было производить его на местах.

Так называемый «ставленный» мед обычно готовился с использованием меда, ягод, дрожжей и хмеля; по крепости он занимал промежуточное положение между пивом и «вином простым».

Помимо названных напитков, большое хождение имела домашняя брага — особенно в сибирских деревнях.

Государство жестко контролировало производство и продажу алкогольных напитков. Это не значит, что водку выгоняли исключительно на казенных винокурнях, но частных лиц, занятых в этой области, обязывали поставлять «продукт» в казну по подрядным ценам, которые обычно были вдвое (а то и втрое) ниже розничных. Саму продажу водки государство держало в своих руках. И немудрено — это была важнейшая статья дохода. Особенно в Сибири, где сам климат заставлял жителей почти со страстью употреблять спиртные напитки.

Показательны собранные Миллером материалы о винной торговле в сибирских городах. Вот его данные по г. Новая Мангазея (Туруханск). «Вино» (то есть водку) везли в Мангазею из Енисейска, покупая по подрядной цене в 1 руб. 20 коп. за ведро, а продавали — по 3 руб. 2 коп. Динамика роста потребления водки иллюстрируется следующими цифрами: в 1736 году в Мангазею было прислано 894 ведра вина, в 1737 году — 934 ведра, в 1738 году — уже 1117 ведер. При этом в Мангазейской воеводской канцелярии жаловались ученому: «А годом оного вина и недостает». Несложный подсчет показывает, что доходы от продажи водки составляли до 2 тыс. руб. в год. Для сравнения: суммарные подушные подати во всем Мангазейском уезде равнялись 934 руб. 30 коп. С «пьяными» доходами не могли сравниться даже таможенные сборы, включая пошлины с провозимых мехов (в 1738 году в Мангазее их было собрано на 291 руб. 48 коп.). О других податях и говорить нечего.

В розницу алкогольными напитками торговали в кабаках. Таковые имелись не только в городах, но и в острогах, слободах, селах, иногда даже деревнях. Возьмем Верхотурский уезд — в нем насчитывалось 15 кабаков: 3 — в городе, 5 — в слободах, 3 — в погостах, 2 — в селах, 1 — при медном заводе, 1 — в деревне. Кабаки можно было встретить на крупных трактах и на таможенных заставах — то есть там, где возникал спрос на горячительное. Такую «оборудованную» кабаком заставу Миллер посетил по дороге из Верхотурья в Туринск: «Застава и кабак... на переправе через предыдущую речку... — описывал ее ученый. — Здесь пребывают целовальник, назначаемый Верхотурской таможней, а также один служивый и двое отставных солдат. Однако у них не имеется никакого особого жилья, а живут они в кабаке, которым также заведует целовальник».

Как видим, роли в этом случае были распределены довольно специфически — это была скорее застава при кабаке, нежели кабак при заставе.

Если в населенном пункте было несколько кабаков, то они, как правило, получали «говорящие» прозвища. Миллер приводит такие прозвища тобольских бражных мест: Притыка, Австерия, Загуляев, Бражной, Кокуй и т. д. Типичный сибирский кабак представлял собой отдельно стоящую избу с подвалом, где хранились алкогольные напитки. Площадь такого кабака равнялась 30–40 м² (в редких случаях — больше) — например, в Ирбитской слободе члены академического отряда обнаружили 2 сезонных, действующих во время ярмарок, кабака — площадью 32,2 м² и 40,8 м²; и один постоянный — площадью 72,6 м².

Казенными кабаками руководили кабацкие головы, а торговали в них целовальники (от — целовать крест при вступлении в должность). Выбирали этих «важных» персонажей из среды состоятельных посадских. Время работы кабаков обычно регламентировалось лишь в заводских районах, дабы не нарушить деятельности горных и металлургических предприятий. Из Екатеринбургской таможни Миллеру по этому пункту сообщали: «По заводам в воскресные и праздничные, и торжественные дни, когда казенной работы не бывает, в указные часы, а по острогам и слободам, селам и деревням, где есть кабаки, всегда безвозбранно». Подавать горячие закуски посетителям кабаков было запрещено — понятно, что веселье в таких условиях шло безудержное. В кабаке не только пили — это был и своего рода клуб, где посетители общались и играли в карты. Карточная игра тогда была практически неотделима от «пития» — соответственно и в свидетельствах участников экспедиции словосочетания типа «пьют и играют» (или — «пропивают и проигрывают») становятся почти устойчивыми. К слову, монопольная продажа карт также была одной из важных статей дохода государства: колода карт продавалась в среднем по 50 копеек, что было сопоставимо с подушной податью крестьянина (70 копеек в год).

Несмотря на строжайшие запреты и наказания, в первой половине XVIII века в Сибири активно функционировали нелегальные питейные заведения — корчмы. В корчмах собирался узкий круг лиц, которым корчмарь мог доверять. Постоянные посетители корчмы шли в нее из-за более низких цен на водку и большей свободы «действий». Тут играли не только в карты, но и в зернь, то есть кости, во многих корчмах к услугам посетителей были и продажные женщины.

Стоимость алкогольных напитков в розничной продаже не была величиной постоянной, сильно меняясь от региона к региону. Определяло эти ценовые «ножницы» множество факторов — это и различие издержек на закупку сырья, производство и доставку алкогольных напитков, и особенности сословного состава, и финансовые возможности основной «пьющей» массы. Вольготнее всего любители спиртного чувствовали себя в хлебобродных уездах Урала и Западной Сибири; а вот, скажем, на северо-востоке Сибири их жизнь была труднее. Согласно миллеровским данным, в 1741 году подрядчики поставляли в Екатеринбург «вино простое» по 64 коп.

за ведро, продавалось же оно в кабаках по 2 руб. 12 коп.; в Иркутске подрядная цена составляла 1 руб. 60 коп., продажная — 3 руб. 10 коп.; в Якутске это вино из Иркутского уезда продавалось уже по 4 руб., в Охотске — по 15 руб., а на Камчатке — иногда по 40 руб.».

Особо отметим одно важное обстоятельство. В нашей стране всякие преграды, воздвигаемые государством, всегда существовали словно для того, чтобы люди учились их «обходить». XVIII век — не исключение из этого правила. И в общей массе потребляемой тогда водки немалую долю составляла та, что производилась и продавалась нелегально частными лицами.

Тайное винокурение приносило огромные доходы и было распространено во всех уездах Сибири. О масштабах нелегального производства и сбыта водки можно судить по такому факту. Стеллер, прибывший в Якутск в конце мая 1740 года, был свидетелем появления в городе первых торговых судов. В своем дневнике он отметил: «8 июня в воскресенье погода было необычайно теплой и ясной, а для торговцев водкой из Иркутка — более чем пасмурной, так как лейтенанты Остяков и Лебедев по доносу работных людей с их дощаников изъяли у них водку на 2000 рублей, тайно доставленную на этих дощаниках из Иркутка». На следующий день якутский житель Борисов рассказал ученому о том, почему в Якутском ведомстве недоимки торговцев казенной водкой за последние несколько лет составили около 40000 рублей. По его словам, целовальники сами пьянствовали и были не в состоянии организовать надлежащим образом продажу и учет казенной водки.

До 1740 года водку в Якутск поставляли по договорной цене подрядчики, однако вместе с официальным вином они везли и нелегальное (качеством — лучше) — причем втрое больше первого. Их торговля шла очень бойко — ведь если официальная водка шла в розницу по 8 рублей за ведро «вина двойного», то «подполь-

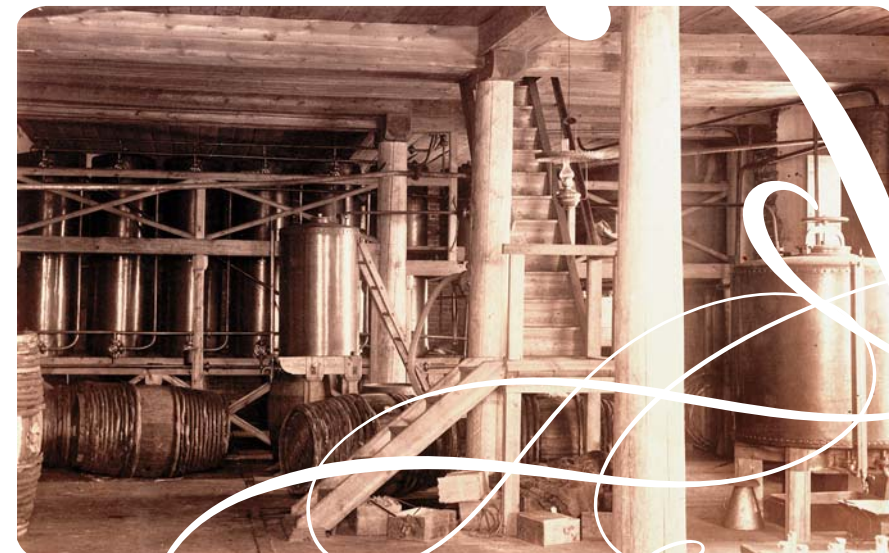
ная» продавалась почти вдвое дешевле — по 4,5 рубля за ведро. Не удивительно, что при таком «раскладе» казенное вино оставалось нераспроданным. Кончилось все тем, что в 1740 году иркутским подрядчикам было отказано в поставках водки в Якутск. Однако нелегальная водка и после этого продолжала поступать. Стеллеровский информатор назвал три популярных «канала»: «1. Торговцы представляются посланными по требованию офицеров, которых никто не решается обидеть. 2. Они опускают бочки в озера поблизости от Якуцка, а также закапывают их в землю, а когда прибывают [в Якутск], то посылают туда якутов с одним из своих людей, чтобы они светлой ночью доставили их. 3. Они изготавливают для бочек плоты, сверху, чтобы отвести любое подозрение, загружают их дровами, а при удобном случае водку утаскивают в дома или носят ее ушатами под видом доставки воды домой». Согласно тому же источнику, к поставкам нелегальной

водки были причастны и некоторые члены Второй Камчатской экспедиции. Действовали они следующим образом: в Иркутске покупали казенную водку, для уменьшения объема перегоняли ее до максимально возможной крепости и везли под видом «вина простого» для собственных нужд. В Якутске же, Охотске или на Камчатке, где потребность в водке была велика и ее цена резко взлетала вверх, они разбавляли водку и продавали местным жителям.

Описанную ситуацию, разумеется, нельзя считать нормальной. Страдала экономика края, на глазах развращалось население. Понимали это не только посланники Петербургской Академии, но и вполне официальные лица. Показателен в этом отношении проект «О хлебе и вине» неустановленного автора — этот проект в сентябре 1733 года был послан из Сената В. Берингу и начальнику Охотского порта Г. Г. Скорнякову-Писареву. Документ сообщал, что в последние шесть лет вся

Винокуренный завод в старинном селе Тельма под Иркутском. Новый паровик. Отделение очистки (фото внизу). Из альбома фабрично-заводской промышленности Иркутской губернии 1895—1896 гг., изд. В. Ап. Белоголового

винная продажа в Охотске и на Камчатке была отдана на откуп частным лицам. Покупая в Якутске «вино простое» по цене 4 руб. за ведро, откупщики продавали его в Охотске по 15 руб., а в камчатских острогах — уже по 35–40 руб., приводя «в немалое разорение служилых и промышленных людей... потому что у них то и лекарство, что вино, на всякие болезни служит, для того других забав нет».

Любопытно — в казенных якутских кабаках торговали по преимуществу не казенной, а нелегальной водкой, поставляемой откупщиками. Обеспечивала такую подмену круговая порука. Среди откупщиков преобладали «лутчие жители, дворяне и служилые», в подчинении которых находились служители застав, призванные как раз и пресекать описанные нарушения.

Рост производства подпольной водки привел к резкому подорожанию хлеба: если до введения откупов ржаная мука продавалась в Якутске

по 7–10 коп. за пуд, то после этого — гораздо дороже, до 60 коп. за пуд. Это было естественным следствием того, что значительная часть зерна, производимого в верховьях Лены, теперь шла на изготовление «левой» водки. В связи с этим анонимный проект предлагал «стараться оные вредительные откупы перевести и всем запретить вино сидеть, опричь казенного, как здравле бывало».

Миллер также полагал, что существующая практика наносит огромный ущерб экономическим интересам государства, способствует коррупции и приводит к обнищанию жителей Сибири. Однако с рекомендациями автора проекта «О хлебе и вине» он не согласился. По мнению ученого, следовало не запретить откупа, а наоборот — предоставить право на производство водки всем желающим, взимая с них за это фиксированный налог. При таком развитии событий неизбежно бы упала цена водки. Стеллер был вполне солидарен с профессором: «Что

касается поступлений от продажи водки, то я считаю, что проект проф. Мюллера представляет, конечно, гораздо больше выгод, чем продажа ее по высокой цене. При цене в 20 рублей за ведро частные лица прямо обворовывают казну, торгуя водкой либо тайно, либо, если им предоставлена к тому возможность, открыто в ларях рядом с церковью, непомерно от этого обогащаясь, вконец разоряя и без того склонное к пьянству население. Каждый житель мог бы подвергнуться обложению известным количеством пушнины, а взамен того могло бы быть предоставлено право свободного винокурения. Я полагаю, что это значительно понизило бы склонность населения к пьянству, да и казне дало бы заметную прибыль, особенно если распространить предлагаемое мероприятие и на тех ительменов, которые добровольно согласились бы на это». В удешевлении водки ученые усмотрели возможность падения ее привлекательности — высокая стоимость водки, по мысли Стеллера, лишь добавляет ей «сладости» и престижности.

Свидетельства участников экспедиции показывают рост алкогольной «заразы» в направлении с запада на север. В Западной Сибири жило много старообрядцев, что в некотором смысле спасало ситуацию. Гмелин удивленно сообщает, что старообрядцы «полностью воздерживаются от водки». С не меньшим удивлением он констатирует, что в Енисейске на Рождество жители пили очень мало.

Совершенно иная картина открылась взорам путешественников в Восточной Сибири. При этом неким пограничным рубежом, за которым начинается царство водки, выступил тут Красноярск. Снова обратимся к свидетельствам язвительного Гмелина. Особенно досталось от него красноярским казакам, «единственным ремеслом» которых, по словам ученого,

Тобольск. Гравюра XVII в.

«является пьянство». Вместе с воеводой он наблюдал масленичные увеселения в селе Торгушино близ Красноярска — в частности, штурм казаками снежной крепости. Штурм оказался неудачным. «Отсюда легко можно заключить, — комментирует Гмелин, — какие при случае служивые совершили воинские дела — их бы превзошли любые крестьяне, никогда в жизни не носившие оружия». Удивляло его то, что особенно истоиво предавались пьянству горожане во время самых чтимых государственных и религиозных праздников. Он снова иронизирует, говоря о том, что все жители ведут себя так, словно усердно исполняют высочайший указ, запрещающий в эти дни трезвость. Гмелинские наблюдения подтверждает и Крашенинников, живописующий красноярскую масленицу: «Во время праздничное жители по гостям незваные ходят и черещюр упиваться любят, потому что иные из них одного дня почти весь город обходить не ленятся и инде чарку вина, а инде стакан пива урвет, и хотя уже в такое состояние придет, что на ногах ходить не может, однакож лишь бы в котором доме шум услышал, понеже из того признавают, что там попойка есть, хотя ползком ползет во двор, чтоб еще напиться».

Рассказ Гмелина о жителях Илимска еще более негативен. Отвратительные бытовые условия, изумившие его в этом городе, он объясняет следующим образом: «Люди там делают только одно: пьют и спят. Зачем им дома лучше? Некоторые кормятся дичью, но вся их работа состоит в том, что они делают для маленьких

зверей ловушки или для больших — ямы, а лисицам выбрасывают сулему; они слишком ленивы, чтобы пойти на охоту. Другие выжимают из тунгусов все, что им необходимо для поддержания жизни. Большинство из них служивые; но сами они службой почти не занимаются... в городе ничего не делают, как только посещают трактиры».

Миллер утверждал, что упадок некоторых городов Восточной Сибири во многом вызван именно пьянством. Вот что он, например, пишет о Нерчинске: «Также и то, что местное вино, несмотря на то, что хлеб очень дешев, продается из казны по чрезмерно высокой цене, и это доводит до нищеты многих людей, которые в пьянстве не могут себя ограничить».

Путешествуя по Лене, ученые были поражены отменным физическим здоровьем местных крестьян, их трудолюбием и достатком. Но и тут болезненное пристрастие к алкоголю бросилось им в глаза. Этот парадокс отметил Гмелин: «Крестьяне на Лене не могут жаловаться на плохое существование... Каждая крестьянка имеет шелковые платья, и мужчины пьют по любому поводу».

Кстати, это свидетельство заметно «выбивается» из ряда ему подобных. Почему? Да потому, что обычно ученые ведут свой невеселый разговор об алкоголе, имея в виду одно-единственное сословие русских жителей Сибири — сословие служилых. Если и заходит речь об алкогольных «упражнениях» представителей других социальных групп, то вся она уместается в границах

«Благородный господин адъютант
Георг Вильгельм Штеллер,
Милосердый государь».

По силе присланного Ея Императорского Величества указа из Якутской провинциальной канцелярии и по требованию вашего благородия велено для сплавки до Якуцка построить в Устьилгинской деревне плот, которой бы мог поднять тысячу пуд, и отдать для сплавки до Якуцка команды вашего благородия бергауру Григорью Самойлову <...> А оной бергаур (правильно берггаур — горнорабочий, занимающийся добычей руд или разработкой рудника — А. Э.) Самойлов с товарищи жил в Устьилгинской деревне за пьянством на кабаке долгое время <...> А по приезде нашем на Устьилгу вашего благородия команды Алексей Софронов зазвал нас на оной плот, а на плоту имеющиеся команды вашего благородия люди весьма пьяные. <...> И оные команды вашего благородия люди пьяные наших денщиков избилли весьма вредительно человеческому веку и нас бранили всякою неподобною и матерною бранью. А до прибытия вашего благородия на Устьилгу тогда команды вашего благородия люди были весьма смирны и не пьянствовали, а по отбытии вашего благородия из Устьилгинской деревни чинили оне во пьянстве многие не порядки и обиды, а паче иркуцкие служилые Егор Попов с товарищи. А кому было каких жалобщиков, кроме других обид, в побоях до пятидесят человек». <...>

Из письма приказчика Илгинского острога С. Зимина Г. В. Стеллеру от 28 апреля 1740 г. Георг Вильгельм Штеллер. Письма и документы. 1740. М., 1998. С. 203.

жанра, который в XVIII веке именовали «анекдотом». Вот типичный пример такого «анекдота» — он почерпнут из иркутского письма Стеллера, адресованного Миллеру: «От господина архиерея слышал веселую байку про то, как он на масленицу, будучи в подпитии, сам приказал запрягать лошадей в сани и через Байкал ехать в Селенгинский да уже на льду посреди озера очнулся, спросил, где это он, и велел поворачивать обратно на Жилкино: болваны, мне все приснилось, с чего вы взяли, что мне надо задать пару».

Рассказы же о служилых менее всего «анекдотичны». Вместе с тем — при всей их критической направленности — эти свидетельства нельзя считать за «последнюю» характеристику всего сословия. Нравственные и деловые качества сибирских служилых путешествующие по Сибири ученые оценивают весьма высоко. Именно из их числа они предпочитали выбирать людей для выполнения серьезных заданий. Тот же Миллер признавался, что малограмотные служилые, ответственные за проведение метеорологических наблюдений, выполняли эту работу лучше, чем это смогли бы делать «полуученные» люди. Забавный факт: однажды один из таких «метеорологов» сообщил профессорам, что не смог замерить температуру, так как ртуть в термометре замерзла. На это ему ответили: пить надо меньше. Но оказалось, что тот был прав — при очень низкой температуре воздуха ртуть действительно переходит в твердое состояние. Так простой казак стал автором серьезного научного открытия.

Сословие служилых не было однородным. Многие конкретные особенности носили «географический» характер. Так, например, в Западной Сибири служилые, как правило, обзаводились собственным хозяйством, занимались скотоводством, земледелием, ремеслами, по образу жизни (это касается и традиций хмельного питания) мало отличаясь от крестьян и посадских. Не то было на северо-востоке Сибири. Именно тамошние казаки описывались участниками экспедиции в самых черных красках — упоминаются и акты неповиновения властям (вплоть до прямых бунтов), и злоупотребления служебным положением, и коррупция, и грабежи, и повальное пьянство. В числе причин, обусловивших эту «вольницу», назывались бесконтрольность служилых в удаленных острогах и зимовьях и само различие в их происхождении. Стеллер писал, что в служилые на северо-востоке Сибири обычно попадали «либо искатели приключений, либо бежавшие от правосудия, либо посланные сюда из России за совершение всевозможных неблагоприятных дел, для которых эти люди были самым подходящим элементом».

«Порче» нравов способствовало и то, что, по свидетельству Миллера, нередко служилый, совершивший преступление в Западной Сибири, получал в виде наказания ссылку в более восточные уезды, где он не только

сохранял свой статус, но и назначался на более высокую должность. Таким образом, наказание превращалось в поощрение. О том же пишет и Стеллер: «Тут московские люди настолько повышаются в чинах, что тот, кто выехал из Москвы в качестве обыкновенного рядового, превращается в Тобольске уже в сержанта, в Томске — в прапорщика, а на Камчатке — в полковника, и никому нет никогда ни в чем запрета, что бы он не вздумал предпринять во вред стране и ее населению». Еще один источник, подтверждающий сказанное, — документы. Согласно им в отдельные периоды пополнение состава служилых Якутского уезда происходило преимущественно за счет ссыльных, промышленных и «гулящих» людей, среди которых было немало маргиналов и попросту уголовников.

Пьянство в этой среде действительно процветало. Вот исполненная в одном-единственном цвете (черном!) стеллеровская характеристика якутского населения: «Жители очень хитрые, лживые, лукавые, мошенники, ленивые, пьяницы и ни мужчины, ни женщины не считаются с тем, что ведро водки обходится им в 8 рублей». В унисон с этой цитатой звучит сообщение в Сенат времен еще Первой Камчатской экспедиции (1725—1728), автором которого был сам Беринг: «Служилых людей счисляетца при Якуцку около тысячи человек, а имеетца над ними командующей — казацкой голова, сотники и пятидесятники. А хотя оные командующия над ними и есть, но токмо содержат не под страхом, понеже служилые пьянствуют и проигрывают не токмо что и своих пожитков, но временно бывает проигрывают жен своих и детей, что мы и сами видели при Камчатке. А когда отправляютца в нужной путь, тогда они платья не имеют, також и ружье неисправно». Крашенинников, рассказывая об образе жизни камчатских служилых, пишет: «Прежде сего во вся-

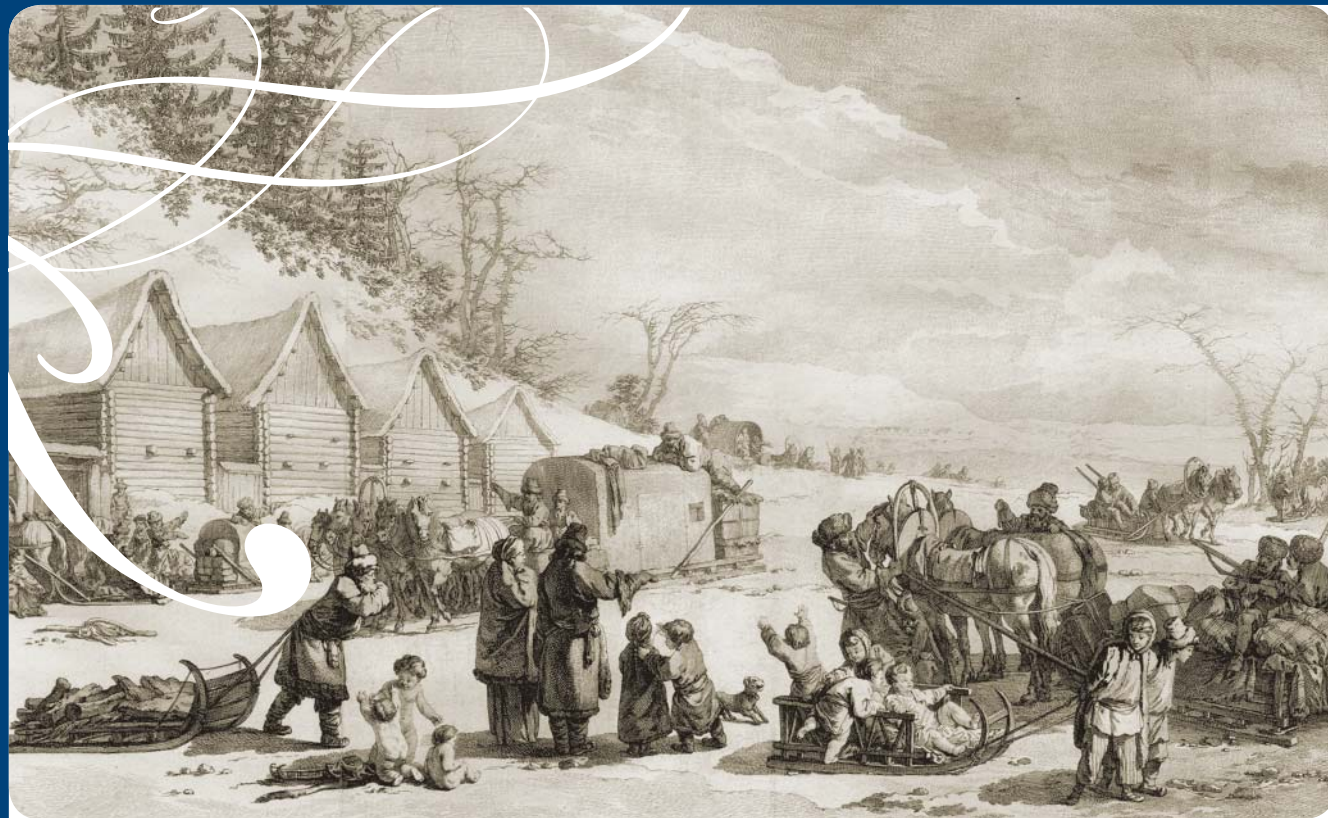
Вид города Охотска в XIX в.
Рисунок из кн.: «Народы России: Живописный альбом» (СПб., 1880)

ком дворе бывала винная продажа: у кого вина бывало насижено, тот и сам пивал и других паивал за соболи, а когда того не ставало, то все переживали к другому и с тем, у которого пили. Таким образом мягкая рухлядь вся вокруг ходила, а как учреждена казенная продажа, то вся начала в казну доставаться целовальникам, ибо казаки, выпив вино у себя, со всем на кабаки приходят и пропиваются». Хотя винокурение по домам было запрещено, многие из жителей Камчатки, по наблюдениям Крашенинникова, крайне редко приходили в кабаки трезвыми, «а приходят с тем, чтоб

допить, как им надобно, в меру, которая состоит в том, чтоб повадиться бесчувственну».

Столь впечатляющий разгул пьянства в этих местах был в те времена явлением сравнительно новым. До открытия морского пути на Камчатку через Охотское море служилым приходилось с боями прорываться сюда через земли воинственных коряков — разумеется, о провозе водки и речи не шло, хотя, как пишет Крашенинников, «их мучило, что вина достать им было негде».

Выход сообразительные казаки все-таки нашли. Подобно ительме-

У постоялого двора. Гравюра из кн.: Ш. д'Отрош, «Путешествие в Сибирь», (Т 1, Париж, 1768 г.)

нам, они (точнее — их холопы и ясачные) заготавливали на зиму большое количество ягод. Весной неиспользованная ягода часто закисала, и ее выбрасывали — пока не обнаружилось, что забродивший ягодный сок опьяняет. Вскоре казаки научились выгонять из закисшей ягоды даже водку. При неурожае ягод заквашивали вместе с ядрами кедровых орехов так называемую «сладкую траву», — забродивший сок заметно «пьянил». Подлинный переворот в использовании сладкой травы произвели в начале 1710-х годов большевечские служилые Данило Черный и Алексей Малахов, для которых была «всякая нужда кроме безвинницы сносна» (Крашенинников). После серии «опытов» им удалось разработать наиболее рациональный способ выгонки вина из «сладкой травы» замоченной в воде. Из 2,5 пудов травы удавалось при этом получить до 1 ведра водки. Если водку перегоняли повторно, то напиток получался столь крепким, что им, по словам Крашенинникова, можно было «травить железо». Таким образом — замечает ироничный Миллер — устранили последнее препятствие в деле освоения Камчатки. Широчайшее распространение винокурения из «сладкой травы» привело к тому, что цена на сырье резко взлетела — до 10 рублей и более за пуд. Для сравнения — годовое денежное жалованье камчатских казаков составляло 5 рублей. Естественно, при такой дороговиз-

не дело не обошлось без грабежей — ведь ительмены тоже традиционно собирали «сладкую траву». «Как только устанавливается санный путь, — отмечает Стеллер, — это — первый доставляемый в остроги товар. Так как ительмены подвергаются со стороны наспиртованных казаков большим обидам и при опьянении даже жестоким побоям, то я обычно именую это растение кислой капустой».

«Научным» открытием камчатских казаков заинтересовались ученые. Миллер и Гмелин, отправляя Крашенинникова на Камчатку, дали ему подробную инструкцию из 89 пунктов, самый «объемный» из которых касался именно описания «сладкой травы» и методов выгонки из нее вина. При этом студенту предлагалось «самому небольшую пробу учинить и при этом крепость вина первого пропуску описать». В результате появилась специальная работа Крашенинникова «О заготовлении сладкой травы и о сидении из нея вина».

Государство тоже не оставило своим вниманием казачье изобретение. В Петербурге по проекту В. Беринга, составленному после Первой Камчатской экспедиции, планировали наладить на Камчатке масштабное производство казенного вина из «сладкой травы». В канун Второй Камчатской экспедиции Берингу вручили сенатский указ, в котором говорилось: «К тому ж вино сидеть на Камчатке ис тамошней слаткой травы и цену

налагать не весма тягостную, но умеренную, также и того надзирать, чтоб тамошней народ за необычностью до смерти не опивались».

Крашенинниковские опыты повторил Стеллер. Оценивая качество водки из «сладкой травы», он, сам большой знаток и ценитель алкогольных напитков, пишет: «Эта водка обладает, между прочим, такими особенностями: она очень нежна, содержит в себе много кислоты и, следовательно, чрезвычайно вредна для здоровья, очень сгущает кровь, сильно на нее действует и придает ей черный цвет; водкою этой можно пользоваться для травления железа и гравирования на нем. Пьющие эту водку очень быстро хмелеют и, придя в состояние опьянения, становятся безумными и буйными; лица их при этом синееют, тот же, кто выпьет ее хотя бы немного чашек, мучается затем всю ночь самыми странными и несуразными фантазиями и сновидениями, а на следующий день становится таким робким, опечаленным и беспокойным, как если бы он совершил величайшее преступление. Это состояние побуждает туземцев прибегать к новому опьянению, и случается — я это видел собственными глазами, — что они на следующий день вновь пьянеют от стакана холодной воды, что бывает не в силах устоять на ногах».

Относительно технологии производства водки Стеллер разъясняет: «Сама водка готовится следующим образом: на 2 пуда сладкой травы выливают 4 ведра теплой или тепловатой воды, кладут для брожения в сосуд либо остатки предшествующей дистилляции, отчего напиток получает, впрочем, неприятный запах или привкус, либо ягоды жимолости; от этого настоей приобретает очень большую крепость, становится приятнее и дает большое количество водки; или же всю смесь ферментируют окисленной мукою; спустя 24 часа ее подвергают перегонке и получают тогда ведро водки». Наконец, ученый делится следующими забавными наблюдениями: «Остатки перегонки являются самым приятным для коров кормом, почему эти животные повсюду шатаются по улицам острога, посещая места, где гонят водку, и там обычно располагаясь. Таким образом, скотина часто вместо телохранителей сопровождает своих хозяев к кабакам, что неоднократно заставляло меня смеяться».

Энтузиазм, порожденный изобретением камчатских казаков, не знал границ и побуждал к дальнейшим «испытаниям». В качестве водочного сырья пытались использовать даже закисшую рыбу. Тот же Стеллер пишет: «То, что рассказывается о якобы изготовляемых из рыбы напитках и водке в Сибири, при проверке оказывается сущей ложью. Действительно, кое-кто пытался гнать водку из воючей рыбы, но в результате получалась невкусная и зловонная слизь».

Попытаемся резюмировать сказанное. Несомненно, описания алкогольного быта Сибири, сделанные участ-

никами академического отряда Второй Камчатской экспедиции, иногда оставляют удручающее впечатление. Читая их, понимаешь, что «ничто не ново под луной», и те вещи, которые слишком хорошо знакомы нам — «пьяный бюджет», «теневая экономика», коррупция, «крышевание» и пр., — родились не сегодня; они «растут» из далекого прошлого. В среде современных исследователей отношение к свидетельствам ученых-путешественников XVIII века неоднозначно. Временами их резкий тон объясняют «национальным» высокомерием — дескать, немцы и не могли по-иному писать о русских. Эти объяснения вряд ли корректны. Во-первых, национальные «разборки» в науке вообще не слишком плодотворны, а во-вторых, наиболее яркие зарисовки пьянства сибиряков принадлежат перу как раз русского ученого — С. П. Крашенинникова.

Знакомясь с невеселыми картинками, набросанными участниками экспедиции, нужно понять, «услышать» их авторов. Ведь главное в этих рассказах — не негатив, а поиск путей выхода из сложившейся ситуации. Ученые не только живописуют пьянство, но и предлагают рекомендации по устранению недостатков. И эти рекомендации остаются актуальными по сию пору. Следует лишь вычленив из них рациональное зерно. То есть, по большому счету, тут мы имеем дело не с «чистой» наукой — впрочем, абсолютно «чистой» она, видимо, и не бывает никогда.

Источники и литература

1. СПбФ АРАН. — Фонды 3, 21.
2. РГАДА. — Фонды 181, 199.
3. Вторая Камчатская экспедиция. Документы. 1730–1733. — Часть 1: Морские отряды. — М., 2001.
4. Георг Вильгельм Штеллер. Письма и документы. 1740. — М., 1998.
5. Зиннер Э. П. Сибирь в известиях западноевропейских путешественников и ученых XVIII в. — Иркутск, 1968.
6. Крашенинников С. П. Описание земли Камчатки. — М.—Л., 1949.
7. С. П. Крашенинников в Сибири. Неопубликованные материалы. — М.—Л., 1966.
8. Стеллер Г. В. Описание земли Камчатки. — Петропавловск-Камчатский, 1999.
9. Georg Wilhelm Steller. Briefe und Dokumente. 1739. — Halle, 2001.
10. Georg Wilhelm Steller, Stepan Krašeninnikov, Johann Eberhard Fischer — Reisetagebücher 1735 bis 1743. — Halle, 2000.
11. Gmelin I. G. Reise durch Sibirien. — Th. 1–4. — Göttingen, 1752. — S. 323.
12. Johann Georg Gmelin. Expedition ins unbekante Sibirien. — Ulm, 1999.

В публикации использованы иллюстрации из кн. И. Р. Такала «Веселие Руси»: История алкогольной проблемы в России» (СПб.: Издательство «Журнал «Нева»», 2002)